

СТОЛЯРОВ Станислав Олегович,
руководитель четвертого отдела по
расследованию особо важных дел (о
преступлениях в сфере экономики) следственного
управления Следственного комитета РФ
по Республике Татарстан (г. Казань),
e-mail: stolyarov-stas@mail.ru

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ШОС И БРИКС: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье представлен сравнительно-правовой анализ моделей начала уголовного процесса в государствах – участниках ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Исследуется функциональное назначение стадии возбуждения уголовного дела на примере российской правовой системы, сохраняющей постсоветскую модель обязательного процессуального фильтра. В ходе анализа опыта стран континентальной (КНР, Бразилия), англосаксонской (Индия, Пакистан) и мусульманской (Иран, ОАЭ) правовых семей установлено, что стадия возбуждения в ее классическом понимании не является универсальным элементом судопроизводства. Выявлено, что защитная функция начального этапа может эффективно реализовываться через механизмы регистрации сообщений о преступлении, прокурорский надзор и последующий судебный контроль. Доказана необходимость комплексного реформирования российского института возбуждения уголовного дела с целью устранения формализма и затягивания сроков проверки при сохранении баланса между эффективностью преследования и процессуальными гарантиями личности.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, стадия возбуждения, сравнительно-правовой анализ, правовые семьи, ШОС, БРИКС, начало расследования, процессуальные гарантии.

STOLYAROV Stanislav Olegovich,
Head of the Fourth Department for the Investigation
of Particularly Important Cases (crimes in the
economic sphere) of the Investigative Directorate
of the Investigative Committee of the Russian
Federation for the Republic of Tatarstan (Kazan)

THE RUSSIAN MODEL OF THE CRIMINAL CASE INITIATION STAGE IN THE CONTEXT OF THE LEGAL SYSTEMS OF THE SCO AND BRICS MEMBER STATES: PROBLEMS OF TRANSFORMATION

Annotation. The article presents a comparative legal analysis of the models for initiating criminal proceedings in the member states of the SCO, BRICS, and EAEU. The functional purpose of the stage of initiating a criminal case is examined using the example of the Russian legal system, which retains the post-Soviet model of a mandatory procedural filter. Through the analysis of the experience of countries belonging to continental (China, Brazil), common law (India, Pakistan), and Islamic (Iran, UAE) legal families, it is established that the initiation stage in its classical sense is not a universal element of justice. It is revealed that the protective function of the initial stage can be effectively implemented through mechanisms for registering crime reports, prosecutorial supervision, and subsequent judicial review. The necessity of a comprehensive reform of the Russian institution of initiating a criminal case is proven to eliminate formalism and delays in verification

while maintaining a balance between the effectiveness of prosecution and the procedural guarantees of the individual.

Key words: *criminal procedure, initiation of a criminal case, initiation stage, comparative legal analysis, legal families, SCO, BRICS, start of the investigation, procedural guarantees.*

Выбор государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для анализа правового регулирования начала уголовного процесса обусловлен не только их внешне-политической и интеграционной значимостью для Российской Федерации, но и методологической ценностью соответствующего сравнительно-правового материала. Российская Федерация является участником всех трех объединений, что предопределяет практическую значимость изучения правовых систем стран-партнеров для целей гармонизации законодательства, взаимной правовой помощи и выработки согласованных подходов к уголовному судопроизводству. Одновременно указанные организации объединяют государства, относящиеся к различным правовым семьям – континентальной (романо-германской), общего права, мусульманской и смешанным системам, – что позволяет рассмотреть начало уголовного процесса не как изолированный национальный институт, а как функциональный элемент уголовного преследования, по-разному оформляемый в зависимости от историко-правовой традиции. В этом смысле анализ опыта стран ШОС, БРИКС и ЕАЭС дает возможность оценить не только эффективность российской модели возбуждения уголовного дела, но и пределы ее универсальности в сопоставлении с альтернативными способами процессуального оформления начала расследования [1-6; 13-14].

В качестве исходной точки сравнительного анализа целесообразно рассмотреть российскую модель, поскольку именно она задает критерии последующего сопоставления с зарубежными правовыми порядками. Российская Федерация, являясь членом ШОС, БРИКС и ЕАЭС, сохраняет традиционную для советской правовой системы модель обязательной стадии возбуждения уголовного дела, которая выполняет фильтрующую функцию: на основе проверки сообщения о преступлении компетентный орган (дознатель, следователь, руководитель следственного органа) принимает одно из процессуальных решений – о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. Обязательность стадии возбуждения обосновывается необходимостью защиты граждан от необоснованного уголовного преследования, а также обеспечением законности и обоснованности начала расследования. Вместе с тем в доктрине и правоприменительной практике отмечаются существенные недостатки

данной модели: искусственное затягивание сроков проверки сообщений о преступлениях, формализм при принятии решений, статистическое давление на органы предварительного расследования, приводящее к необоснованным отказам в возбуждении уголовного дела с целью улучшения показателей раскрываемости.

Ближайшим к российской модели примером выступает Республика Беларусь, входящая в ШОС и ЕАЭС и воспроизводящая в своем Уголовно-процессуальном кодексе сходную конструкцию начала уголовного процесса. Стадия возбуждения уголовного дела является обязательной, решение принимается органом дознания, следователем или прокурором на основе проверки сообщения о преступлении [11].

Если российская, белорусская, казахстанская и киргизская модели позволяют проследить внутреннюю эволюцию постсоветского уголовного процесса, то последующее обращение к иным правовым семьям необходимо для выявления того, насколько сама идея обязательного формального возбуждения уголовного дела соотносится с более широкими тенденциями современного уголовного судопроизводства.

В рамках континентальной правовой традиции особый интерес представляет Китайская Народная Республика, член ШОС и БРИКС, поскольку ее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает стадии возбуждения уголовного дела в том виде, в каком она существует в России или Беларуси. Уголовно-процессуальный кодекс КНР в редакциях 2012 и 2018 годов устанавливает процедуру регистрации уголовного дела: органы публичной безопасности, народная прокуратура или народный суд, получив сообщение о преступлении, принимают решение о регистрации дела и начале расследования либо об отказе в регистрации [9].

Уголовно-процессуальный кодекс Бразилии 1941 года с многочисленными последующими реформами не предусматривает отдельной стадии возбуждения уголовного дела [7]. Полиция проводит предварительное расследование, по результатам которого материалы направляются прокурору. Прокурор обладает широкой дискрецией: он принимает решение о предъявлении обвинения и направлении дела в суд либо о прекращении производства. Следовательно, бразильская модель показывает, что и в пределах континентальной традиции возможно смещение центра тяжести с формального акта возбуждения на про-

курорскую оценку перспектив уголовного преследования и достаточности собранных материалов.

Иной нормативный контекст задают государства общего права, где отсутствие самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела обусловлено не реформированием советской или континентальной модели, а самой логикой построения уголовного преследования, основанной на первичной полицейской регистрации сообщения и последующей судебной проверке наиболее существенных ограничений прав личности.

Республика Индия, являясь членом ШОС и БРИКС, представляет классический пример страны общего права. Уголовно-процессуальный кодекс Индии 1973 года (Code of Criminal Procedure, CrPC) не содержит института возбуждения уголовного дела [8]. Начало уголовного процесса связывается с регистрацией первичного информационного отчета (First Information Report, FIR) – документа, фиксирующего сообщение о совершении преступления, относящегося к категории *cognizable offences*, то есть преступлений, по которым полиция вправе производить арест без судебного ордера. После регистрации FIR полиция обязана начать расследование; формального решения о возбуждении дела не требуется. Магистрат может приказать полиции провести расследование либо сам осуществить *preliminary inquiry*, однако его участие на стадии начала расследования не является обязательным. Поэтому индийская модель иллюстрирует принципиально иной баланс процессуальных гарантий: начальный этап максимально упрощен, а основная нагрузка по защите прав личности переносится на последующие судебные процедуры, связанные с арестом, залогом, выдачей ордеров и проверкой законности действий полиции.

Исламская Республика Пакистан, член ШОС, также принадлежит к семье общего права, унаследовав британскую правовую систему, и потому во многом воспроизводит индийский подход к началу уголовного процесса. Уголовно-процессуальный кодекс Пакистана 1898 года (CrPC 1898) связывает начало уголовного процесса с регистрацией FIR, после чего полиция проводит расследование и направляет обвинительное заключение (*challan*) в суд [10]. Формальной стадии возбуждения уголовного дела не существует; решение о начале преследования принимается полицией или магистратом на основе дискреционных полномочий. Несмотря на проблемы коррупции, задержек в расследовании и злоупотреблений со стороны полиции, обусловившие реформы 2000-х годов, базовая конструкция начала уголовного процесса осталась неизменной. Тем самым пакистанский опыт подтверждает устойчивость модели, в которой отсутствие стадии возбуждения компенсируется не предварительным судебным

разрешением на расследование, а последующим контролем за законностью полицейских и прокурорских действий. Наряду с континентальными системами и системами общего права существенное значение для исследования имеют правовые ряды с мусульманским компонентом, поскольку они позволяют установить, влияет ли религиозно-правовая природа отдельных норм на саму конструкцию начала уголовного преследования.

Исламская Республика Иран, член ШОС и БРИКС, представляет пример синтеза мусульманского, или шариатского, права и континентальной правовой традиции. Уголовно-процессуальный кодекс Ирана 2013 года, принятый после Исламской революции, основан на принципах шариата, однако заимствует ряд институтов из романо-германской правовой семьи. Начало уголовного процесса в Иране регулируется в зависимости от категории преступления. Для преступлений категории *ta'zir*, то есть дискреционных наказаний, не установленных непосредственно Кораном или Сунной, применяется процедура, близкая к континентальной модели: прокурор или судья расследования принимают решение о начале производства на основе проверки сообщения о преступлении. Для преступлений категорий *hudud* (наказания, прямо предписанные шариатом) и *qisas* (возмездие) процедура упрощена: религиозный судья может самостоятельно инициировать производство, минуя формальную стадию возбуждения. Следовательно, значение иранского опыта состоит в том, что мусульманское право не исключает использования процессуальных институтов континентального типа, но модифицирует их в зависимости от религиозно-правовой классификации преступлений.

Объединенные Арабские Эмираты, член БРИКС с 2024 года, представляют смешанную правовую систему, сочетающую элементы континентального права, сформированные под влиянием французской и египетской правовых традиций, и исламского права. Федеральный Уголовно-процессуальный кодекс ОАЭ основан на континентальной модели: прокурор является центральной фигурой на стадии начала уголовного преследования [12]. Формальной стадии возбуждения уголовного дела в российском понимании не существует; прокурор начинает расследование по поступившему сообщению о преступлении либо по собственной инициативе. Решение о начале преследования принимается прокурором дискреционно, без обязательного судебного контроля. Вместе с тем для преступлений, затрагивающих религиозные и семейные отношения, применяются нормы шариата, и дела могут рассматриваться шариатскими судами, действующими параллельно со светской судебной системой. Таким образом, в ОАЭ сосуществуют две модели начала

уголовного процесса: светская, прокурорская и континентальная, а также религиозная, шариатская, применяемые в зависимости от характера преступления и статуса обвиняемого.

Подводя итоги, отметим, что стадия возбуждения уголовного дела в ее классическом постсоветском понимании не является универсальным элементом уголовного процесса и сохраняется преимущественно в российской и белорусской моделях, тогда как большинство рассмотренных государств либо не знают такой стадии, либо существенно упростили процедуру начала расследования. Принадлежность государства к определенной правовой семье не предопределяет модель начала уголовного процесса, поскольку даже в рамках континентальной традиции сосуществуют различные подходы – от сохранения формальной стадии возбуждения до ее полной отмены или замены регистрационными и прокурорскими механизмами. В государствах, не предусматривающих самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела, защитная функция данного этапа компенсируется иными процессуальными гарантиями, прежде всего прокурорским надзором, судебным контролем на последующих стадиях и проверкой законности мер процессуального принуждения. Реформирование российской стадии возбуждения уголовного дела возможно только при комплексном подходе, сочетающем упрощение процедуры начала расследования, усиление прокурорского надзора, расширение судебного контроля за ограничением прав личности и сохранение баланса между эффективностью уголовного преследования и процессуальными гарантиями.

Список литературы:

- [1] Бегова Д.Я. Зарубежный опыт правового регулирования возбуждения уголовных дел / Д.Я. Бегова, А.А. Загалов // Закон и право. 2024. № 2. С. 223–226.
- [2] Канатов Е.С. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности. Москва, 2021. 33 с.
- [3] Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: 12.00.09: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 31 с.
- [4] Корнакова С.В. Полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства в России и за рубежом / С.В. Корнакова // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3 (172). С. 149–155.
- [5] Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. М.: НОРМА, 2007. 943 с.
- [6] Сидорова Н.В. Компаративное исследование правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства на Евразийском пространстве / Н.В. Сидорова, А.М. Серикбаев // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». 2023. № 2 (110). С. 32–41.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Бразилии 1941 года. Текст: электронный. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18680> (дата обращения: 28.03.2026).

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Индии 1973 года. Текст: электронный. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8578> (дата обращения: 28.03.2026).

[9] Уголовно-процессуальный кодекс КНР. Текст: электронный. URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 28.03.2026).

[10] Уголовно-процессуальный кодекс Пакистана 1898 года. Текст: электронный. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3489> (дата обращения: 28.03.2026).

[11] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. Текст: электронный. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295> (дата обращения: 28.03.2026).

[12] Уголовный кодекс Объединённых Арабских Эмиратов. Уголовно-процессуальный кодекс Объединённых Арабских Эмиратов: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. 400 с. Текст: электронный. URL: <https://e.lanbook.com/book/146424> (дата обращения: 02.08.2026).

[13] Уголовный процесс России и стран Европы: сравнительно-правовое исследование: монография / П.А. Смирнов, С.П. Щерба и др.; под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: Проспект, 2023. 280 с.

[14] Zhiyuan, G. The Influence of the Soviet Law Model on Criminal Procedure Law in China / G. Zhiyuan, Y. Jiajia // VNU Journal of Science: Legal Studies. 2024. Vol. 40, no. 1. P. 1–12.

References:

- [1] Begova D.Ya. Foreign experience in the legal regulation of the initiation of criminal cases / D.Ya. Begova, A.A. Zagalov // Law and Law. 2024. № 2. S. 223–226.
- [2] Kanatov E.S. Initiation of criminal cases of crimes in the field of economic activity. Moscow, 2021. 33 pp.
- [3] Konovalov S.G. Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states: 12.00.09: author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2018. 31 pp.
- [4] Kornakova S.V. Powers of the prosecutor in the field of criminal proceedings in Russia and abroad/S.V. Kornakova // Actual problems of Russian law. 2025. № 3 (172). S. 149–155.
- [5] Legal systems of the countries of the world.

Encyclopedic Handbook. M.: NORMA, 2007. 943 p.

[6] Sidorova N.V. Comparative study of the legal regulation of international cooperation in the field of criminal proceedings in the Eurasian space/N.V. Sidorova, A.M. Serikbaev // Bulletin of Karaganda University. "Right" series. 2023. № 2 (110). S. 32-41.

[7] Brazilian Code of Criminal Procedure 1941. Text: electronic. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18680> (access date: 28.03.2026).

[8] Indian Code of Criminal Procedure 1973. Text: electronic. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8578> (access date: 28.03.2026).

[9] PRC Code of Criminal Procedure. Text: electronic. URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 28.03.2026).

[10] Pakistan Code of Criminal Procedure 1898.

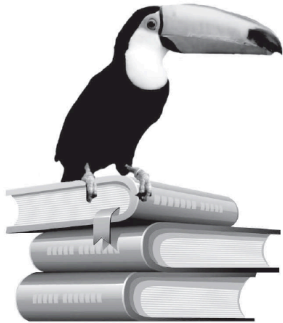
Text: electronic. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3489> (access date: 28.03.2026).

[11] Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus No. 295-Z of 16 July 1999. Text: electronic. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295> (access date: 28.03.2026).

[12] Penal Code of the United Arab Emirates. United Arab Emirates Code of Criminal Procedure: monograph. St. Petersburg: Legal Center, 2015. 400 s. Text: electronic. URL: <https://e.lanbook.com/book/146424> (accessed: 02.08.2026).

[13] Criminal procedure in Russia and European countries: comparative legal research: monograph / P.A. Smirnov, S.P. Shcherba et al.; under general. and scientific. ed. S.P. Shcherba. M.: Prospect, 2023. 280 s.

[14] Zhiyuan, G. The Influence of the Soviet Law Model on Criminal Procedure Law in China / G. Zhiyuan, Y. Jiajia // VNU Journal of Science: Legal Studies. 2024. Vol. 40, no. 1. P. 1–12.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru